

О ФИЛОСОФСКОЙ ЛИРИКЕ А. С. ПУШКИНА

В обширной пушкиниане по вопросу о философской лирике Пушкина сказано очень мало. На это есть свои причины. С формальной точки зрения философские жанры в пушкинской лирике оказываются невыявленными, о философских задачах поэзии Пушкин прямо никогда не говорил. Проблема философской лирики возникает не столько в контексте собственного творчества Пушкина, сколько в большом историческом и литературном контексте: в сопоставлении с другими поэтическими явлениями, в тесной соотнесенности с общими закономерностями поэтической жизни 20 — 30-х годов XIX века. Пушкиным написаны стихи, глубочайшие по своему философскому смыслу, но для того, чтобы эти стихи вполне и легко были восприняты как философские, недостаточно одного их собственного содержания: нужен еще и соответствующий угол зрения в их восприятии. В плане научном и исследовательском такой необходимый угол зрения возникает при широко контекстуальном, историческом изучении русской поэзии пушкинской эпохи.

В России в 20-е годы прошлого столетия термин «философская поэзия» получил распространение отчасти благодаря влиянию немецкой романтической эстетики. Романтики в Германии — братья Шлегели, Новалис, Тик и другие — главным пунктом своей эстетической программы сделали «смещение поэтических и философских воззрений», объединение поэзии с философией. В России одними из первых провозгласили необходимость создания философской поэзии Любомудры во главе с Веневитиновым, находившиеся под заметным воздействием идей немецких романтиков.

Однако даже для Любомудров основной причиной их интереса к философской поэзии были не столько внешние литературные влияния, сколько внутренние потребности самой русской жизни. Лозунг философской поэзии в России не случайно по времени совпадает с последекабрьской эпохой. После трагических событий декабря 1825 года, в пору реакции и одновременно глубочайшей переоценки ценностей, русская общественная мысль, стремившаяся сохранить свою независимость, проявляла заметную

тенденцию уйти с поверхности в глубину, начать работу исследования, познания и самопознания. В литературе эта тенденция нашла одно из выражений в стремлении к созданию философской поэзии.

Пушкін был свободен от немецких литературных, тем более романтических, влияний. Но влияние времени, условий и обстоятельств последекабрьской действительности, естественно, сказалось на творчестве Пушкина. Тенденция к самопознанию, стремление к поэзии мысли — это то, что свойственно и пушкинской поэзии, особенно со второй половины 20-х годов.

Об этом времени Л. Я. Гинзбург писала: «Требование мысли становится общепринятым литературным критерием».¹ Практически это значило, что почти одновременно повышенный интерес к лирике философских раздумий начали проявлять в русской поэзии и Веневитинов, и другие поэты-любомудры, и Баратынский, и Тютчев, и Пушкин.

Одновременность и определяемая потребностями жизни известная общность поэтических исканий Пушкина и любомудров, и Баратынского ни в коей мере не означает такой же общности в поэтических решениях. К философской поэзии Пушкин шел своими особыми путями и философские задачи творчески решал сугубо по-своему: не только иначе, чем, например, поэты-любомудры, но в самом существенном и противоположно им.

Одно из первых по времени медитативных, философских стихотворений Пушкина — стихотворение 1828 года «Воспоминание»:

Когда для смертного умолкнет шумный день,
И на немые стогны града
Полупрозрачная наляжет ночи тень
И сон, дневных трудов награда,
В то время для меня влчатся в тишине
Часы томительного бденья:
В бездействии ночном живей горят во мне
Змеи сердечной угрызенья;
Мечты кипят; в уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток;
Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток;
И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.

В стихотворении этом, при некотором старании, можно обнаружить отдельные приметы, напоминающие философские опыты

¹ Л. Гинзбург. Пушкин и Бенедиктов — В кн.: Пушкин. Временник пушкинской комиссии. 2. Л., АН СССР, 1936, стр. 155.

любомудров. Это и жанр стихотворения — принадлежность «Воспоминания» Пушкина к поэзии мысли не вызывает сомнений, — и психологизм его, и торжественная патетика в звучании стихов, и излюбленная поэтами-любомудрами (а также Тютчевым) тема ночи как условия самопознания и т. д. Сходство, разумеется, носит самый общий и во многом внешний характер, но оно для нас интересно особенно потому, что на фоне сходного очень заметно, резко проявляется внутреннее несходство стихотворения Пушкина и философских стихов любомудров.

Это несходство принципиальное, несходство в методах художественного познания и изображения жизни. В медитативных стихах Пушкина, несомненно, заключена поэзия мысли — но иная поэзия и иная мысль, нежели у любомудров. У Пушкина иной, не обобщенный (как у любомудров и Тютчева), тем более не отвлеченный (как часто у любомудров), а конкретный и непосредственный психологизм. Стихотворение «Воспоминание» — это исповедь, человеческий документ, это не просто мысль, а жизнь мысли и мука мысли. Между тем у любомудров однотемные стихи являются чаще всего изложением готовой мудрости и обязательным наставлением. Лирический герой Пушкина неповторимо индивидуален, его признания абсолютно достоверны в своей живой искренности. Это признания, сделанные по самым горячим следам. В психологических стихах любомудров (Шевырева, например) проблемы достоверности и искренности даже не возникает — за отсутствием индивидуального героя и индивидуального переживания.

У Пушкина даже ночь оказывается похожей на поэтическую ночь любомудров больше внешним образом, больше по имени, нежели по существу. В «ночных стихах» Шевырева ночь — это образ-понятие, отвлеченное от всего того, что прямо не связано с философским заданием стихотворения. Ночь у Шевырева никогда не бывает предметной — она почти лишена у него примет неповторимого.

У Пушкина ночь существует во времени и с конкретными своими приметами: она не просто есть, она наступает, она в движении, читатель видит ее: «полупрозрачная наляжет ночи тень». В стихотворении Пушкина ночь живая, она явлена, она неповторима.

Это относится вообще к изображению природы Пушкиным. Она у него самоценна, существует сама в себе, живет своей собственной и особенной жизнью. В отношении Пушкина к природе нет никакой преднамеренности и заданности. Как отметил в свое время Г. Глебов, «отношение Пушкина к природе не обусловлено ни научной, ни философской системой взглядов. В этом отношении поэта нет логической продуманности. Оно просто и

непосредственно. Его определяют чувства и созерцание, а не отвлеченные идеи и схемы».²)

В поэзии любомудров природа носит отчетливо функциональный характер, она как бы обусловлена самим философским жанром произведения, является чаще всего средством для иносказания. В отличие от Пушкина, природа у любомудров дидактична и задана — как и сама их поэзия.

Шевырев писал о стихотворении Баратынского: «Следя стихи, мы видим совершенно естественное развитие дум поэтических. Осень только намекнула Поэту на мысль, которая уже прежде таилась в душе его...»³)

В отношении к Баратынскому Шевырев был прав лишь отчасти. Но сказанные им слова точно характеризуют поэтику самого Шевырева и его товарищей по поэтическому кружку. Заданность поэтической мысли — это не только общая черта любомудров, но и осознанная ими черта; больше того, это художественный принцип, который принимается ими за норму. Не даром Шевырев называет это «естественным развитием дум поэтических». То, что мы воспринимаем в поэзии любомудров как недостаток и слабость в художественном смысле, отнюдь не казалось таковым самим любомудрам.

Несомненно, однако, что это было противоположно и прямо враждебно художественному методу Пушкина: враждебно внутреннему строю его поэтических идей и его поэтическому дару. В том же году, что и стихотворение «Воспоминание», Пушкин пишет пьесу «Дар напрасный, дар случайный...»:

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?
Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомнением взволновал?...
Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.

Как и «Воспоминание», стихотворение это принадлежит к разряду «медитативных стихов» Пушкина, хотя в сравнении с «Воспоминанием» оно выглядит как-то «обыденнее», проще, в нем

²) Г. Глебов. Философия природы в теоретических высказываниях и творческой практике Пушкина. — В кн.: Пушкин. Временник пушкинской комиссии, т. II, М.—Л., АН СССР, 1936, стр. 211.

³) С. П. Шевырев. Перечень наблюдателя — «Моск. наблюдатель», 1837, ч. XII, стр. 322.

меньше чувствуется авторская установка на обобщение. Эта пьеса более традиционно «пушкинская», и своеобразие философской лирики Пушкина в нем выступает с особенной отчетливостью. Попробуем проследить это, сопоставив пушкинское стихотворение с близкой по теме и настроению лирической пьесой Веневитинова «Жизнь»:

Сначала жизнь пленяет нас;
В ней все тепло, все сердце греет
И, как заманчивый рассказ,
Наш ум причудливый лелеет.
Кой-что страшит издалика,—
Но в этом страхе наслажденье:
Он веселит воображенье,
Как о волшебном приключенье
Ночная повесть старика.
Но кончится обман игровой!
Мы привыкаем к чудесам —
Потом на все глядим лениво,
Птом и жизнь постыла нам:
Ее загадка и завязка
Уже длинна, стара, скучна,
Как пересказанная сказка
Усталому пред часом сна.

И стихотворение Пушкина, и стихотворение Веневитинова стоят в одном ряду философской поэзии. Они близки по жанру. Но они существенно различаются и чужды друг другу по своей художественной природе. У Веневитинова мысль давно возникшая, внутренне проверенный и категорический вывод мысли. У Пушкина мысль, точно рождающаяся в присутствии читателя, зыбкая и подвижная и именно потому лишенная даже намёка на какую-либо обязательность. У Веневитинова сказано все монументально и накрепко. У Пушкина поэтическая речь как будто более «легкая», но зато и более живая, непосредственная. У Пушкина герой его стихотворения — человек, личность; у Веневитинова герой — не столько человек, сколько человечество и судьба человеческая. И наконец: в стихотворении Пушкина — мысль о жизни, возникшая в определенной эмоциональной ситуации и совсем не обязательная при всех условиях (в других своих стихотворениях он может говорить и говорит на ту же тему иначе и непохоже); у Веневитинова — не просто мысль, тем более не случайная мысль, а цельная концепция жизни, которая поддерживается другими его стихами и всей системой его поэтических и философских взглядов.

Последнее существенно в целом для поэзии Любомудров. Их философские стихи не только заданы по своей мысли, но они и легко объединяются в более или менее стройной поэтической и одновременно метафизической системе. У Пушкина и в этом —

как и во всем другом — несравненно больше свободы. Пушкину глубоко чужды метафизические, как собственно, философские, так и воплощенные в поэтическом творчестве, устойчивые системы. Чужды — поскольку они ограничивали поэтическое зрение и стесняли живой полет поэтической мысли.

Интересно, что в одной из своих рецензий, положительно оценивая литературные достоинства критической статьи И. Киреевского, подчеркивая зрелость его мысли, Пушкин тут же делает оговорку: «...что, впрочем, неоспоримо, несмотря на слишком систематическое умонаправление автора».⁴⁾

В сознании Пушкина слово «систематическое» едва ли не всегда соседствовало со словом «слишком». В этом отношении Пушкин по складу и направлению своих понятий (как отчасти и по характеру своего дарования) был близок Гете, который говорил о Шиллере: «Я невольно думаю, что философское направление Шиллера вредило его поэзии, потому что от этого он привык ценить идеи больше, чем натуру, и даже отвергал ее».⁵⁾

Свобода от систематического направления и приверженности единой метафизической концепции означала для Пушкина внутреннюю свободу творчества и естественность мысли. Она означала также верность Пушкина натуре. Поэтическая мысль Пушкина и богаче, чем у любомудров, и живее, жизненнее. Потому, что жизненнее, она у него и многообразнее, чем у любомудров.

Философская лирика Пушкина отличается широтой тематической и широтой форм. Ни в тематике, ни в формах его медитативных стихов нет и следа какой-либо обязательности и догматизма. У Пушкина, в его поэзии, разрабатываются самые разные философские темы, и он находит для их выражения столь же различные поэтические конструкции.

Некоторые философские стихи Пушкина представляют собой род рассказа с глубоким значением и общечеловеческой мыслью. Таково, например, стихотворение «Жил на свете рыцарь бедный...», написанное в 1829 году. Это стихотворение Пушкина как притча. Форму притчи из поэтов философского направления особенно любили Тютчев и Хомяков. Но, в отличие от Тютчева, философская притча Пушкина лишена даже внешних следов дидактизма, и в ней нет той однолинейности и однозначности мысли, которая так свойственна произведениям Хомякова.

Поэтическая мысль этого и подобных стихотворений Пушкина в точном значении слова глубокая. Она как внутренний секрет стихотворения, нигде не выходит на поверхность, не превращается в назидание. Это поэтическая мысль, одновременно ясная и таинственная, не сводимая к понятию.

⁴⁾ А. С. Пушкин. Денница (1830 г.). — Полное собр. сочинений в десяти томах, т. 7, М.—Л., изд. АН СССР, 1951, стр. 114.

⁵⁾ Разговоры Гете, собранные Эккерманом, ч. I, СПб, 1891, стр. 53.

Наиболее распространенная форма философских стихов Пушкина — это форма личных признаний. Значительность этих признаний, их общечеловеческий интерес делает такие стихи философскими. Но философскими по их внутренней сути, а не по прямому авторскому заданию. Таково, например, стихотворение 1830 года «Элегия». В нем все очень непосредственно и кажется не заранее обдуманым, а экспромтным, при этом сильные мысли возникают в нем в их неразделимости с чувством: как внезапные озарения, как нечаянный вскрик:

Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать;
И ведаю, мне будут наслажденья
Меж горестей, забот и тревоженья...

Подобное же наблюдается в стихотворении 1834 года «Пора, мой друг, пора!...»:

Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит —
Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частичку бытия, а мы с тобой вдвоем
Предполагаем жить, и глядь — как раз — умрем.
На свете счастья нет, но есть покой и воля...

Пушкина озаряет мысль в естественном ходе рассказа. Кажется, что он и философом в своих стихах становится только по ходу поэтического рассказа, в самом процессе творчества, как бы стихийно.

Философская лирика Пушкина лишена внешних претензий. Со временем она становится все более обыденной в наружном своем выражении. Это особенно заметно в одном из самых глубоких и прекрасных стихотворений 30-х годов — «Вновь я посетил...». В стихотворении удивительным образом сочетается простота и безыскусственность повествования, простота образно-выражения и высокие, сдержанно торжественные в своем звучании мысли о жизни, о смерти, о вечном. Эта лирическая пьеса Пушкина не столько даже философская, сколько мудрая — и возвышенно-ясная в своей мудрости:

...Здравствуй, племя
Младое, незнакомое! не я
Увижу твой могучий поздний возраст,
Когда перерастешь моих знакомцев
И старую главу их заслонишь
От глаз прохожего. Но пусть мой внук
Услышит ваш приветный шум, когда,
С приятельской беседы возвращаясь,

Веселых и приятных мыслей полон,
Пройдет он мимо вас во мраке ночи
И обо мне вспомянет.

В своих философских стихах Пушкин заново, поэтически открывает самые простые и самые вечные истины. Обыденную мудрость он просветляет и возвышает поэзией. В этой удивительной простоте, в этой поэтичности его мудрости — главный секрет неумирающей силы ее воздействия.

Простота мудрости Пушкина — это и неразрывная связанность его мысли с действительностью, с повседневным человеческим. Пушкин-поэт всегда свободен, но свободен он той единственной свободой, которая возможна для истинного художника: в своем творчестве он подчиняется только жизни, только ее велениям и законам. Как позднее Лев Толстой, его гениальный и верный ученик, Пушкин в произведениях своих, в своих поэтических и философских раздумьях неизменно «отдается течению жизни».

В своих стихах Пушкин не бывает отвлеченным. Его лирические пьесы и его поэтические идеи всегда возбуждены фактами конкретной действительности и никогда не порывают с ними связи. Это придает философской лирике Пушкина особенный характер и особенное очарование: очарование земного, близкого, понятного и очень нужного. Всякому человеку — нужного.

Может быть, именно эта близость к жизни и читателю не позволяет Пушкину в своих поэтических раздумьях быть излишне категоричным и однолинейным. В стихах Пушкина — в частности, и в философских — почти не встречается не только примерных уроков, но и окончательных решений. С этим связана и внешняя композиционная «незавершенность» некоторых его медитативных стихов. В качестве примера напомним финальную часть стихотворения 1836 года «Когда за городом, задумчив, я брожу...»:

.. Но как же любо мне
Осенью порой, в вечерней тишине,
В деревне посещать кладбище родовое,
Где дремлют мертвые в торжественном покое.
Там неукрашенным могилам есть простор;
К ним ночью темною не лезет бледный вор;
Близ камней вековых, покрытых желтым мохом,
Проходит селянин с молитвой и со вздохом;
На место праздных урн и мелких пирамид,
Безносых гениев, растрепанных харит
Стоит широко дуб над важными гробами,
Колелясь и шумя...

И в этом случае, и в других, ему подобных (в стихотворении «Осень», например), Пушкин предпочитает конечному выводу

внешнюю незавершенность мысли и фразы, точке — смысловое многоточие. Впрочем, незавершенность этих стихотворений Пушкина не только внешняя, но и отчасти кажущаяся. Подобные «незаконченные» композиции говорят читателю много больше, чем иные законченные. За ними у Пушкина приоткрывается вся глубина и полнота мысли, вся бесконечность ее значения.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ИМЕНИ А. И. ГЕРЦЕНА

Ученые записки, т. 483

ПУШКИНСКИЙ СБОРНИК

Псков, 1972 г.